

Редьярд Киплинг

В лесах Индии

Редьярд Киплинг

Самая удивительная повесть в мире (сборник)

*Часть сборника
Самая удивительная повесть в
мире (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг В лесах Индии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648595

Аннотация

«Из всех колёс государственной службы, которые вращаются индийским правительством, нет ни одного более важного, чем колесо лесного департамента. Древонасаждение целой Индии находится «в его руках» или, вернее сказать, будет находиться, когда у правительства окажутся нужные для этого деньги...»

Редьярд Киплинг

В лесах Индии

* * *

Из всех колёс государственной службы, которые вращаются индийским правительством, нет ни одного более важного, чем колесо лесного департамента. Древонасаждение целой Индии находится «в его руках» или, вернее сказать, будет находиться, когда у правительства окажутся нужные для этого деньги.

Служащие этого департамента ведут постоянную борьбу с сыпучими песками и ползучими дюнами; они огораживают их изгородами с боков, плотинами спереди и снизу, доверху скрепляют их ползучими растениями и переплетёнными между собой сосновыми ветвями, как это принято в Нанси. Служащие лесного департамента ответственны за каждый ствол в государственных лесах Гималайских гор и за каждую рытвину и угрюмого вида овраги, образовавшиеся от действия муссонов на их обнажённых склонах; они становятся для них как бы ртом, громко кричащим о результатах недосмотра. Они производят многочисленные пересадки чужеземных пород деревьев и заботливо выращивают смолистые деревья, которые уничтожают лихорадку оросительных

каналов. В равнинах же их главной обязанностью является присмотр за тем, чтобы линия лесов, предназначенных для вырубки, содержалась в порядке, так чтобы с наступлением засухи, когда скот начнёт голодать, можно было открыть её для деревенских стад и дать возможность каждому запасть хворостом. Они же рубят деревья и складывают в кучи дрова вдоль линий железной дороги там, где не используют уголь; доходы со своих плантаций они вычисляют с точностью до тысячных долей; они являются в одно и то же время докторами и повивальными бабками огромных тиковых лесов Верхней Бирмы, каучуковых деревьев восточных джунглей и чернильных орешков юга; но они всегда стеснены в средствах. Как только служащий лесного департамента очутился по какому-нибудь делу вне сферы проезжих дорог и правильно расположенных станций, он приобретает познания не только в области лесоводства: он учится понимать народ и политику джунглей; он встречается с тигром, медведем, леопардом и дикой собакой не раз и не два раза в день после облав, а постоянно, на каждом шагу при исполнении им своих обязанностей. Он проводит много времени в седле или в палатке – как друг вновь посаженных деревьев, товарищ грубых лесных сторожей и волосатых объездчиков, до тех пор, пока леса, предмет его заботы, не наложат на него свой отпечаток; и тогда он перестанет напевать весёлые французские песенки, которым он научился в Нанси, и станет молчаливым среди молчаливой лесной чащи.

Гисборн служил уже четыре года в лесном департаменте. Сначала он безмерно увлёкся своим делом, так как благодаря ему он проводил много времени верхом и на открытом воздухе и был облечён властью. Но затем он бешено возненавидел его и охотно отдал бы год жизни за месяц общества, которое могла ему дать Индия. Когда же прошёл и этот кризис, леса снова завладели им, и он был рад, что мог служить им: расширять и углублять линии вырубок, наблюдать за появлением зеленой дымки молодых плантаций на фоне старой зелени, прочищать засорившийся ручей, подмечать начало последней борьбы леса с наступающей на него травой, когда он терял силы и погибал, чтобы вовремя прийти ему на помощь. В какой-нибудь тихий день трава эта будет предана сожжению, и сотни животных, устроивших в ней свои жилища, будут изгнаны из неё бледным пламенем в час, когда солнце стоит высоко на небе. Потом будущий лес выглянет из почерневшей земли ровным рядом молодых отпрысков, и Гисборн, наблюдая за их ростом, будет испытывать радость.

Его бунгало – белый домик из двух комнат под соломенной крышей – находился на одном конце большого леса, называемого по-индийски рух. Он и не думал устраивать себе сад, потому что лес подходил к самой двери его дома, и, сойдя со своей веранды, он попадал в самую гущу его.

Абдул Гафур, его жирный слуга-магометанин, заботился о его питании, когда он бывал дома, а остальное время проводил в болтовне с небольшой кучкой туземных слуг, которые

жили в своих хижинах позади бунгало. Тут были два грума, повар, водонос и дворник. Гисборн сам чистил свои ружья, а собак он не держал. Собаки спугивали дичь, а лесничему нравилось наблюдать за тем, куда подданные его королевства ходят на водопой при восходе месяца, нравилось знать, где они едят перед рассветом и где отдыхают в летнюю жару.

Лесные сторожа и объездчики жили в маленьких хижинах далеко в лесу, показываясь в бунгало только тогда, когда кого-нибудь из них придавливало упавшее дерево или ранил дикий зверь. В остальное время Гисборн жил в одиночестве.

Весной в лесу появлялись новые листья, но в небольшом количестве, пока не кончались дожди. Только в тёмную, спокойную ночь здесь было больше призывных звуков и невидимой возни: то слышался шум генеральной битвы между тиграми, то рёв надменного самца-олениа или резкий звук, производимый старым кабаном, который точил свои клыки о дерево. Гисборн откладывал в сторону своё ружьё, потому что он считал грехом убивать животных и только в редких случаях делал исключение. Летом, во время безумной майской жары, лес заволакивало мглой, и Гисборн внимательно следил за тем, не появится ли где-нибудь первый вьющийся дымок – предвестник лесного пожара. Потом наступала полоса дождей, и лес одевался густой пеленой тёплого тумана, а ночью крупные капли дождя шумно барабанили по толстым листьям, и к шороху падающих капель примешивался треск сочных зелёных стеблей, которые обламывал ветер, и мол-

ния выводила узоры за плотной канвой листвы, пока снова не показывалось солнце, и лес стоял, дымясь на опушках от испарений и поднимая свои вершины к свежоомытому небу. А потом жара и сухой воздух снова окрашивали все вокруг в цвета тигровой масти. Гисборн все больше и больше осваивался в лесу и был очень счастлив. Жалованье ему присылали аккуратно раз в месяц, но он почти не тратил его. Кредитные бумажки накапливались в ящике от комода, в котором он хранил письма из дома. Если он вынимал их оттуда, то только для того, чтобы выписать что-нибудь из Калькуттского Ботанического сада или дать вдове лесного сторожа такую сумму, которую правительство Индии никогда не назначило бы ей за смерть мужа. Платить было приятно, но иногда приходилось и мстить, и он делал это, когда мог. В одну из ночей прибежал к нему пешком задыхавшийся объездчик и сообщил, что около Канейского ручья найден мёртвым лесной сторож: одна половина его головы была раздавлена, как скорлупа от яйца. На рассвете Гисборн отправился на поиски убийцы. Только путешественники, да ещё молодые солдаты известны всему свету как великие охотники. Служащие лесного ведомства считают охоту одной из своих служебных обязанностей, и потому о них никто ничего не знает. Гисборн пошёл пешком к месту убийства: вдова рыдала над телом мужа, как будто он лежал на собственной постели, а два или три человека около неё тщательно изучали след на влажной земле.

– Это дело Красного, – сказал один из них. – Я знал, что он в своё время бросится на человека, но теперь ещё много дичи даже для него. Он это сделал из дьявольского озорства.

– Красный лежит в пещере за каучуковыми деревьями, – сказал Гисборн. Он знал, о каком тигре шла речь.

– Нет, сахиб, теперь его там нет. Он ещё будет безумствовать и шататься повсюду. Вспомни, что первое убийство всегда влечёт за собой ещё два. Наша кровь делает его безумным. Он, может быть, подкарауливает нас, пока мы говорим о нем.

– Он, может быть, пошёл к следующей хижине, – сказал другой. – До неё всего только четыре косса. О Аллах, кто это?

Гисборн обернулся вместе с другими. По иссохшему руслу ручья спускался человек в одной только набедренной повязке на обнажённом теле, но увенчанный венком из кистеобразных цветов белого вьюнка. Он шёл по мелким камешкам так бесшумно, что даже Гисборн, привыкший к беззвучной поступи разведчиков, был удивлён.

– Тигр, убивший человека, – сказал он, ни с кем не поздоровавшись, – пошёл сначала пить, а теперь он спит вон там, за горой.

Его голос был свеж и звонок, как колокольчик, и резко отличался от визгливого говора туземцев, а лицо его, когда он поднял голову и стоял, освещённый солнечным сиянием, походило на лицо ангела, заблудившегося среди лесов. Вдова

перестала причитать над умершим и, широко открыв глаза, посмотрела на чужеземца, но потом с удвоенным рвением вернулась к исполнению своих обязанностей.

– Должен ли я показать сахибу? – просто спросил он.

– Если ты уверен... – начал было Гисборн.

– Совершенно уверен. Я час тому назад видел эту собаку.

Ему ещё рано есть человеческое мясо. У него всего только дюжина зубов в его скверной пасти...

Люди, стоявшие на коленях и рассматривавшие следы зверя на земле, тихонько удалились из опасения, что Гисборн возьмёт их с собою, и юноша, заметив это, слегка усмехнулся.

– Пойдём, сахиб! – вскричал он и, повернувшись, пошёл впереди своего спутника.

– Не так скоро. Я не могу поспеть за тобой, – сказал белый человек. – Подожди немного. Твоё лицо незнакомо мне.

– Это возможно. Я недавно пришёл в эти леса.

– Из какой ты деревни?

– Я не из деревни. Я пришёл вон оттуда, – и он указал рукой по направлению к северу.

– Значит, ты цыган?

– Нет, сахиб. Я человек без касты и вследствие этого... без отца.

– Как люди зовут тебя?

– Маугли, сахиб. А как имя сахиба?

– Я – смотритель этих лесов, а зовут меня Гисборн.

– Как? Неужели они считают здесь деревья и стебли трав?

– Вот именно, и для того, чтобы такие цыганята, как ты, не сожгли их.

– Я? Да я ни за какую награду не сделал бы вреда джунглям. Ведь это – мой дом.

Он повернулся к Гисборну с улыбкой, в которой было неотразимое очарование, и сделал предостерегающий жест рукой.

– Теперь, сахиб, пойдём немного потише. Нет нужды будить собаку, хотя она спит довольно крепко. Было бы лучше всего, если бы я пошёл вперёд и выгнал его по ветру на сахиба.

– Аллах! С каких это пор голые люди могут выгонять тигров, как скот? – сказал Гисборн, поражённый смелостью своего спутника.

Тот снова мягко засмеялся.

– Ну, тогда пойдём вместе со мной и застрели его по-своему из твоего большого английского ружья.

Гисборн пошёл следом за своим разведчиком, пробирался сквозь чащу, полз по земле, карабкался вверх, опять спускался вниз и испытал на самом себе все трудности выслеживания зверя в джунглях. Он был страшно красен и обливался потом, когда Маугли предложил ему, наконец, поднять голову и внимательно приглядеться к синеватой скале близ маленького горного озера. На берегу его лежал, развалившись в сладкой неге, тигр и лениво посасывал громадную переднюю

лапу. Он был старый, желтозубый и порядочно уже облезший, но в этой позе и освещённый солнцем он имел довольно внушительный вид.

Гисборн не увлекался идеями спортсмена, когда приходилось иметь дело с тигром, убившим человека. Он знал, что эту гадину надо уничтожить как можно скорее. Он перевёл дыхание, прислонил ружьё к выступу скалы и свистнул. Голова зверя, находившегося на расстоянии двадцати футов от дула ружья, медленно повернулась, и Гисборн не торопясь выпустил в него два заряда, один – пониже плеча, а другой – пониже глаза. На таком расстоянии даже самые крепкие кости не могут устоять против действия разрывных пуль.

– Шкура не стоила того, чтобы сохранить её во что бы то ни стало, – сказал он, когда дым рассеялся и они увидели зверя, бившегося и дёргавшегося в предсмертных судорогах.

– Собаке – собачья смерть, – спокойно сказал Маугли. – Действительно, с этой падали нечего взять с собой.

– А усы? Разве ты не хочешь взять усы? – спросил Гисборн, который знал, как загонщики ценили такие вещи.

– Я? Разве я презренный шикарри джунглей, чтобы возиться с мордой тигра? Пусть валяется. Вот уже явились его друзья.

Где-то сверху над их головами раздался пронзительный свист спускающегося коршуна; Гисборн в это время выбрасывал пустые гильзы и обтирал лицо.

– Если ты не шикарри, то откуда ты знаешь так хорошо все

повадки тигров? Ни один разведчик не мог бы справиться лучше тебя с этим делом.

– Я ненавижу всех тигров, – коротко ответил Маугли. – Пусть сахиб позволит мне нести его ружьё. Арре, какое же оно красивое. А куда идёт теперь сахиб?

– Домой.

– Могу ли я идти с ним вместе? Я ещё никогда не видел дома, где живут белые люди.

Гисборн пошёл к себе домой, а Маугли бесшумно шёл впереди него, блестя на солнце своей бронзовой кожей. Он с любопытством осмотрел веранду и два стула, стоявших на ней, подозрительно пощупал рукой бамбуковую штору и вошёл, все время оглядываясь назад. Гисборн опустил штору, чтобы спрятаться от солнца. Она с шумом упала, но прежде чем она коснулась пола веранды, Маугли выскочил в сад и остановился, с трудом переводя дыхание.

– Это ловушка? – с волнением выговорил он.

– Белые люди не устраивают ловушек для людей, – смеясь сказал Гисборн. – Ты в самом деле пришёл из джунглей.

– Да, я вижу, – сказал Маугли, – она не может ни поймать, ни захлопнуться. Но я никогда не видел таких вещей.

Он вошёл на цыпочках и с удивлением стал рассматривать убранство двух комнат. Абдул-Гафур, который отдыхал после завтрака, посмотрел на него с глубоким отвращением.

– Столько хлопот, чтобы поесть, и столько беспокойства, чтобы лежать после того, как поешь, – насмешливо заметил

Маугли. – Мы в джунглях лучше устроиваемся. Но здесь чудесно. Тут есть много богатых вещей. Разве сахиб не боится, что их могут украсть? Я никогда ещё не видал таких чудесных вещей.

Он засмотрелся на покрытое пылью медное бенаресское блюдо на шаткой этажерке.

– Только вор из джунглей мог бы забраться сюда, – сказал Абдул-Гафур, с шумом доставая блюдо. Маугли широко раскрыл глаза и уставился на белобородого магометанина.

– В моей стране, когда козлы блеют слишком громко, им перерезают горло, – смело сказал он. – Но ты не бойся. Я ухожу.

Он повернулся и исчез в лесу. Гисборн взглянул ему вслед с улыбкой и потом слегка вздохнул. Для служащего лесного департамента не было ничего интересного в этих лесах, кроме служебных обязанностей, а этот сын леса, который, видимо, знал тигров, как другие люди знают собак, мог бы быть хорошим развлечением.

«Это очень странное существо, – подумал Гисборн. – Он мне напоминает иллюстрации в классическом словаре. Я бы хотел сделать из него своего оруженосца. Не очень-то приятно охотиться одному, а из этого мальчика вышел бы великолепный шикарри. Но что он за странный человек!»

В этот вечер он сидел на веранде под открытым небом, курил и размышлял. Дым кольцами поднимался из отверстия трубки. Но когда он на минуту перестал курить, он вдруг

увидел перед собой Маугли, который сидел, скрестив руки на груди, на краю веранды. Только дух мог подкрасться так бесшумно. Гисборн вздрогнул от удивления и уронил трубку.

– В лесу не с кем поговорить, – сказал Маугли, – вот поэтому-то я и пришёл сюда. – Он наклонился, поднял трубку и подал её Гисборну.

– О! – сказал Гисборн и после долгого молчания спросил: – Ну, что нового в лесу? Не нашёл ли ты ещё тигра?

– Нильгаи имеют привычку менять свои пастбища с новым месяцем. Свиньи пасутся теперь около Канийского ручья, потому что они не хотят пастись вместе с нильгаи, а один из их сосунков был убит в высокой траве у истока ручья леопардом. Вот все, что я знаю.

– Но откуда же ты все это знаешь? – спросил Гисборн, наклоняясь вперёд и пристально глядя в глаза юноше, блестящие при свете звёзд.

– Откуда я знаю? У нильгаи есть свои привычки и свои обычаи, и каждый ребёнок знает, что свиньи не будут пастись с ними.

– А я этого не знаю, – сказал Гисборн.

– О-о?.. А ты ещё смотритель – так говорили мне люди из хижин – смотритель над всем, что есть в лесу!

Он рассмеялся.

– Нетрудно болтать и рассказывать всякие детские сказки, – возразил Гисборн, задетый насмешкой. – Ты вон гово-

ришь, что в лесу делается то и то, а кто же может сказать, правда это или нет?

– Что касается трупа сосунка свиньи, то завтра я покажу тебе его кости, – возразил Маугли невозмутимым тоном. – А относительно нильгаи, если сахиб будет сидеть очень тихо, я пригоню сюда одного из них, и, если внимательно прислушаться, сахиб узнает, откуда нильгаи пригнан.

– Маугли, джунгли сделали тебя сумасшедшим, – сказал Гисборн. – Кто может загнать нильгаи?

– Тихо, сиди только тихо. Я иду...

– Этот человек – настоящий дух! – сказал Гисборн, потому что Маугли скрылся во мраке, и не слышно было даже лёгкого шума шагов. Лес раскинулся крупными складками бархата под мерцающим сиянием звёзд – было так тихо, что лёгкий шелест ветра в верхушках деревьев казался ровным дыханием спящего ребёнка. Абдул стучал посудой в кухне.

– Не шуми ты там! – крикнул Гисборн и приготовился слушать, как человек, привыкший к тишине леса. Для того чтобы не утратить уважения к самому себе в своём уединении, он приучил себя переодеваться каждый вечер перед обедом, и теперь белая накрахмаленная манишка и рубашка скрипели в такт его дыханию, пока он не переменял позы. Потом начал сипеть табак в плохо прочищенной трубке, и Гисборн отбросил её в сторону. Теперь ничто более не нарушало безмолвия спящего леса.

Но вот откуда-то из непостижимой дали, из неизмеримо-

го мрака донёлся слабый, едва уловимый звук волчьего воя. Потом снова наступило молчание – казалось, на долгие часы. Наконец, когда ноги у него ниже колена совершенно онемели, Гисборн услышал какой-то звук, похожий на треск ломаемого кустарника. Но он не поверил себе, пока звук не повторился снова и снова.

– Звук идёт с запада, – пробормотал он, – кто-то там бежит.

Шум становился все явственнее – можно было различить не только треск сучьев, но и прыжки зверя, и даже густое хрипенье разгорячённого бегом нильгаи, охваченного паническим ужасом и не разбиравшего дороги.

Чья-то тень мелькнула между стволами деревьев, попятилась назад, с ворчанием повернулась и, стуча копытами по голой земле, пробежала мимо Гисборна так близко, что он мог бы достать рукой. Это был самец нильгаи, весь обрызганный росой; ползучие растения запутались в его гриве, в глазах его отразился свет, падавший из окон дома. Животное остановилось на месте при виде человека и побежало вдоль лесной опушки, пока не слилось с темнотой ночи. Первой мыслью в поражённом изумлении мозгу Гисборна была мысль о непристойности такой гонки напоказ огромного сизого быка нильгаи и появлении его здесь среди ночи, которая принадлежала только ему одному.

Но тут нежный голос произнёс подле него:

– Он пришёл с водопоя, куда вёл стадо. Он пришёл с за-

пада. Верит ли мне сахиб теперь, или я должен пригнать все стадо, чтобы сахиб мог пересчитать его? Ведь сахиб – смотритель этого леса...

Маугли поднялся на террасу и снова уселся на ней, слегка запыхавшись. Гисборн смотрел на него с величайшим удивлением.

– Как ты это сделал? – спросил он.

– Сахиб видел сам. Бык был пригнан сюда, пригнан, как буйвол. Хо! Хо! Ему будет о чем порассказать, когда он вернётся к стаду.

– Это совершенно ново для меня. Значит, ты можешь бегать так же быстро, как нильгаи?

– Сахиб видел сам. Если сахиб захочет узнать ещё что-нибудь из жизни зверей, то я, Маугли, буду здесь. Это – хороший лес, и я останусь в нём.

– Оставайся, и, если тебе захочется есть, мои слуги всегда будут давать тебе пищу.

– Я, правда, очень люблю жареное мясо, – живо заметил Маугли. – Ни один человек не скажет теперь, что я не ел вареного и жареного мяса, как все другие. Я буду приходить к тебе за пищей. Со своей стороны я обещаю, что сахиб может спать спокойно ночью в этом доме, и ни один вор не забрётся к нему, чтобы унести его драгоценные сокровища.

Разговор прервался сам собою, так как Маугли вдруг исчез. Гисборн долго ещё курил на веранде, и все его мысли сходились к тому, что в лице Маугли он нашёл идеального

разведчика и лесного сторожа, в котором давно уже нуждались и он сам, и лесное ведомство.

– Я должен устроить его на правительственную службу. Человек, который может загонять нильгаи, должен знать лес лучше, чем пятьдесят обыкновенных людей. Это просто какое-то чудо – *lusus naturae*, и, если только он захочет остаться на одном месте, он должен стать лесным разведчиком, – сказал Гисборн.

Мнение Абдул-Гафура было менее благоприятно для Маугли. Помогая Гисборну раздеться на ночь, он сообщил ему, что чужеземцы, являющиеся Бог весть откуда, чаще всего оказываются ворами, и что он лично не одобряет этих голых парий, которые не знают даже, как надо обращаться с белыми людьми. Гисборн засмеялся и отослал его к себе, и он ушёл, ворча что-то про себя. Ночью он нашёл предлог встать и поколотить свою тринадцатилетнюю дочь. Никто не знал причины их ссоры, но Гисборн слышал плач.

В следующие за этим дни Маугли приходил и уходил, как тень. Он устроил себе первобытное жилище в ветвях дерева, неподалёку от бунгало, и поселился в нем. Когда Гисборн выходил на веранду подышать свежим воздухом, он тогда видел его сидящим при лунном свете, склонив голову к коленям, или вытянувшимся вдоль толстого сука и плотно прижавшимся к нему, как это делают звери ночью. Увидев его, Маугли желал ему спокойной ночи или, спустившись вниз, рассказывал ему всевозможные чудесные истории об образе

жизни зверей в лесу. Однажды его застали в конюшне, где он с глубоким интересом разглядывал лошадей.

– Это верный признак того, что он собирается украсть одну из них, – заметил Абдул-Гафур. – Ну почему, если он все равно вертится около дома, не хочет он исполнять какую-нибудь обязанность в нем? Но нет, он предпочитает шляться туда-сюда, кружить головы дуракам и заставлять неопытных людей с раскрытым ртом слушать его глупости.

Встречаясь с Маугли, Абдул-Гафур всегда старался дать ему какое-нибудь трудное поручение: например, принести воды или ощипать дичь, а Маугли, смеясь, всегда выполнял его.

– У него нет касты, – говорил Абдул-Гафур. – Он может что-нибудь натворить. Смотрите, сахиб, как бы он не набе-докурил! Змея всегда останется змеёю, а цыган из джунглей будет вором до самой смерти.

– Замолчи, ты! – сказал Гисборн. – Я позволяю тебе вести хозяйство, как ты сам знаешь, только бы ты не слишком шумел, потому что я знаю твои привычки и обычаи. Но ты не знаешь моих. Человек этот, без сомнения, немножко помешан.

– Ну, конечно, немножко помешан, но только очень немножко, – возразил Абдул-Гафур, – а что из этого выйдет, мы ещё посмотрим.

Несколько дней спустя Гисборну пришлось уехать по делам службы на три дня в лес. Абдул-Гафур, будучи стар и

тучен, остался дома. Он не любил ночлегов в хижинах загонщиков и проявлял излишнюю склонность принимать от имени своего господина приношения зерном, маслом и молоком от тех, которым было очень трудно доставлять ему эти дары. Гисборн уехал на рассвете, слегка рассерженный тем, что лесного человека не было на веранде и он не мог взять его с собой. Он нравился ему, нравился своей силой, ловкостью, бесшумной быстротой движений и беспечной, открытой улыбкой; нравился своим полным незнанием светских приличий и церемоний и своими детскими рассказами (Гисборн теперь верил ему) о том, что делают звери в лесу. Прояхав около часу по зелёным зарослям, он услышал за собой шорох, и Маугли появился около его стемени.

– У нас есть работа на три дня, – сказал Гисборн, – надо осмотреть посаженные деревья.

– Хорошо, – сказал Маугли, – всегда хорошо выращивать молодые деревья. Они дают тень, если только звери не попортят их раньше. Но прежде всего мы должны опять прогнать кабанов.

– Опять? Почему так?... – смеясь, сказал Гисборн.

– О, они сегодня ночью вырвали корни и точили клыки о молодые каучуковые деревья, и я их прогнал прочь. Потому-то я и не пришёл сегодня утром на веранду. Кабанам вовсе не место по эту сторону леса. Мы должны держать их около истоков Канийской реки.

– Если бы человек мог гонять звезды на небе, то он, по-

жалуй, сделал бы и это; но если ты это сделал, Маугли, как ты рассказываешь, то ты, значит, сделался пастухом в лесу без всякой платы и без всякой выгоды для себя...

– Но ведь это лес сахиба, – живо возразил Маугли.

Гисборн в знак благодарности кивнул ему головой и продолжал:

– Но не лучше ли было бы служить правительству? За долгую службу полагается пенсия.

– Я уже думал об этом, – сказал Маугли, – но загонщики спят в хижинах за закрытыми дверьми, а для меня это все равно, что попасть в ловушку. Но я думаю...

– Подумай хорошенько и потом скажи мне. Здесь мы будем завтракать.

Гисборн сошёл с лошади, вынул свой завтрак из самодельного мешка, привязанного к седлу, и заметил, что над лесом занялся яркий день. Маугли улёгся в траве подле него, подняв голову к небу.

Но вот он прислушался и заговорил медленным шёпотом:

– Сахиб, разве в бунгало был дан приказ выпустить сегодня белую кобылу?

– Нет, она стара и толста и, кроме того, слегка хромот.

– Но сейчас на ней кто-то едет, и не очень медленно, по дороге, ведущей к железнодорожной линии.

– Что ты?.. Ведь она в двух косса отсюда. Это дятел стучит.

Маугли приставил ладонь к глазам, чтобы защититься от

солнца.

– Дорога идёт зигзагами от бунгало. Здесь не больше одного косса по направлению полёта коршуна, а звук летит, как птица. Не взглянуть ли нам?

– Вот ещё, глупости! Бежать целый косс по такому солнцу, чтобы узнать, что за шум в лесу!

– Но ведь эта лошадь – лошадь сахиба. Я хотел пригнать её сюда. Если она не принадлежит сахибу, не беда, а если она – его, то пусть сахиб делает с нею, что хочет. Её очень сильно погоняют.

– Но как же ты пригонишь её сюда, сумасшедший ты человек?

– Но разве сахиб забыл? Таким же путём, как я пригнал нильгаи и других.

– Ну, тогда вставай и беги, если уж тебе так не терпится.

– О, бежать не надо!

Он сделал рукой знак молчания и, продолжая лежать на спине, трижды издал глубокий гортанный звук.

– Она придёт, – сказал он наконец. – Подождём её здесь в тени.

Длинные ресницы опустились на дикие глаза, и Маугли задремал в утренней тишине. Гисборн терпеливо ждал. Несомненно, Маугли был помешан, но для одинокого лесничего трудно было найти более занимательного товарища.

– Хо! Хо! – лениво выговорил Маугли, не открывая глаз. – Он свалился. Кобыла придёт первая, а потом и человек.

Тут он заржал, точь-в-точь как жеребец Гисборна. Через три минуты белая кобыла Гисборна, осёдланная и взнузданная, но без седока, ворвалась на лужайку, где они сидели, и побежала к жеребцу.

– Она не очень разгорячилась, – сказал Маугли, – но в эту жару пот легко выступает. А теперь мы подождём её седока, потому что человек ходит медленнее, чем лошадь, особенно если он толст и стар.

– Аллах! Это какое-то дьявольское наваждение! – воскликнул Гисборн, вскочив на ноги, потому что в лесу послышался чей-то жалобный стон.

– Не беспокойся, сахиб. Он не ушибся. Он тоже будет говорить, что это дьявольское наваждение. Послушай! Кто это?

Это был голос Абдул-Гафура, исполненный смертельного ужаса и умолявший кого-то пощадить его и его седые волосы.

– Я не могу двинуться ни шагу дальше! – плакался он. – Я стар, я потерял мою чалму. Арре! Арре! Но я пойду. Я потороплюсь и побегу! О вы, дьяволы ада, ведь я мусульманин!

Кусты раздвинулись, и показался Абдул-Гафур без чалмы, без пояса, необутый, с багровым лицом и руками, выпачканными в грязи. Увидев Гисборна, он застонал опять и, весь дрожащий и обессиленный, бросился к его ногам. Маугли с мягкой улыбкой наблюдал за ним.

– Это не шутка, – серьёзно сказал Гисборн. – Ты видишь,

Маугли, человек этот близок к смерти.

– Он не умрёт. Он просто испугался. Но ведь никто не заставлял его отправляться на прогулку.

Абдул-Гафур издал новый стон и поднял голову, дрожа всем телом.

– Это были чары – чары и дьявольское наваждение! – всхлипнув, проговорил он, ударяя себя рукой в грудь. – За мой грех дьяволы протащили меня через весь лес. Теперь всему конец! Я приношу покаяние. Возьми их, сахиб!

Он протянул ему свёрток грязной бумаги.

– Что это значит, Абдул-Гафур? – сказал Гисборн, начиная догадываться, в чем дело.

– Посади меня в тюрьму – деньги все здесь, но запри меня крепко, чтобы дьяволы не пошли и туда за мной. Я согрешил против сахиба и против соли, которую я ел у него; но если бы не эти проклятые лесные дьяволы, я бы мог купить себе землю далеко отсюда и жил бы в мире до конца дней. – И он стал биться головой о землю в припадке отчаяния и скорби. Гисборн вертел в руках пачку кредиток. Это было его жалованье, накопившееся за последние девять месяцев, – эта пачка кредиток лежала у него в комодe вместе с письмами из дома. Маугли, тихонько посмеиваясь про себя, не сводил глаз с Абдул-Гафура.

– Не стоит сажать меня на лошадь. Я тихонько пойду домой пешком за сахибом, а потом пусть меня отошлют под стражей в тюрьму. Правительство наказывает за такую вину

многими годами тюрьмы, – уныло проговорил магометанин.

Одиночество в лесу рождает много новых идей по различным вопросам. Гисборн, внимательно взглянув на Абдул-Гафура, вспомнил, что он был очень хороший слуга, а что нового слугу надо было ещё приучать ко всем порядкам дома и что, даже в самом лучшем случае, он будет новым лицом и новым языком в доме.

– Послушай, Абдул-Гафур, – сказал он, – ты поступил очень дурно и потерял свою честь и свою репутацию. Но я думаю, что это нашло на тебя неожиданно.

– Аллах! Я никогда раньше не думал об этих деньгах!

– Этому я могу поверить. Ну так вот, возвращайся в мой дом, а когда я вернусь, я пошлю эти деньги с посыльным в банк, и об этом не будет больше речи. Ты слишком стар для тюрьмы, а твоя семья ни в чем не виновата.

Вместо ответа Абдул-Гафур припал головой к высоким охотничьим сапогам Гисборна и зарыдал.

– Значит, вы меня не прогоните от себя? – спросил он.

– Это мы посмотрим. Это зависит от твоего поведения после того, как я вернусь. Садись на кобылу и поезжай назад, не спеша.

– Но дьяволы! Лес полон дьяволов!

– Не бойся, мой отец. Они больше тебя не тронут, если только ты будешь исполнять приказания сахиба, – сказал Маугли. – Ну а если нет, то они опять прогонят тебя домой – той же дорогой, как нильгаи.

Абдул-Гафур с трясущейся нижней челюстью устоял на Маугли, поправляя развязавшийся пояс.

– Так это были его дьяволы? Его дьяволы? А я хотел по возвращении свалить всю вину на этого колдуна!

– Это было хорошо задумано, Абдул-Гафур, но, прежде чем устраивать ловушку, надо было сообразить, как велика дичь, которая должна попасть в неё. Я думал сначала только о том, что этот человек взял у сахиба одну из лошадей. Но я не знал, что у него было намерение сделать меня вором в глазах сахиба, а если бы знал это, то мои дьяволы притащили бы тебя сюда за ногу. Но и теперь ещё не поздно сделать это.

Маугли вопросительно взглянул на Гисборна, но Абдул-Гафур поспешно заковылял к белой кобыле, вскарабкался на спину и поскакал так, что кусты затрещали и лесное эхо повторило стук копыт.

– Это он хорошо сделал, – сказал Маугли, – но он опять свалится, если не будет держаться за гриву.

– Ну, теперь пора тебе объяснить мне, что все это значит? – более серьёзным тоном сказал Гисборн. – Что это за сказка о каких-то твоих дьяволах? И как можно прогнать человека через весь лес, как скотину? Отвечай мне.

– Разве сахиб сердится на меня за то, что я спас его деньги?

– Нет, но в этом есть какая-то каверза, и мне это не нравится.

– Ну, хорошо. Вот теперь, если я поднимусь и сделаю три

шага в глубину леса, никто, даже сахиб, не сможет меня найти, пока я этого сам не захочу. Если я это могу сделать, то точно так же я могу и не говорить, если не захочу. Имей терпение, сахиб, и когда-нибудь я все расскажу тебе, и, если ты этого захочешь, мы пойдём с тобой вместе загонять оленя. Во всем этом нет ровно ничего дьявольского. Только – все это потому, что я знаю лес, как другие знают кухню в своём доме.

Маугли говорил все это таким тоном, как будто успокаивал нетерпеливого ребёнка. Гисборн, удивлённый, смущённый и несколько рассерженный, не ответил ему ни слова, но опустил голову и задумался. Когда он снова взглянул перед собой, лесного человека уже не было подле него.

– Нехорошо, когда друг сердится, – сказал спокойный голос из глубины леса. – Подожди, сахиб, до вечера, когда будет не так жарко.

Предоставленный самому себе, покинутый в самой чаще леса, Гисборн сначала крепко выругался, потом рассмеялся, сел на своего коня и поехал. Он заехал в хижину лесного сторожа, осмотрел вместе с ним несколько посадок, отдал приказание выжечь небольшую площадку сухой травы и отправился на место привала, выбранное им самим и состоявшее из груды каменных обломков, прикрытых примитивно устроенной крышей из сучьев и листьев неподалёку от берега Канийского ручья. Были уже сумерки, когда он достиг этого места, и лес уже готовился к своей молчаливой, зага-

дочно притаившейся ночной жизни.

У ручья светился огонь костра, и ветер донёс запах вкусной пищи.

– Гм... – сказал Гисборн, – это, во всяком случае, лучше, чем холодное мясо. По-видимому, единственным человеком, который мог оказаться здесь, должен быть Миллер; по своей службе он поехал осмотреть Чангамангский лес и, вероятно, забрёл в мои владения.

Громадный немец, главный начальник всех лесов Индии от Бирмы до Бомбея, имел привычку появляться, подобно летучей мыши, без всякого предупреждения, то в одном месте, то в другом, и именно в такое время, когда его там меньше всего ждали. Эти внезапные визиты, выявление всяких погрешностей тут же на месте и устные объяснения с подчинёнными были, по его теории, несравненно более полезны, чем длинная переписка, которая могла закончиться официальным письменным выговором, а это могло на многие годы отразиться на службе чиновника лесного ведомства. Он так объяснял это: «Когда я сам поговорю с моими мальчиками, как старый немецкий дядя, они скажут: «Это все проклятый старый Миллер», и постараются быть лучше в следующий раз. Но если мой тупоголовый клерк напишет им, что Миллер, генеральный инспектор, не понимает ваших поступков и очень рассержен, это будет нехорошо, во-первых, потому, что я там не был сам, а во-вторых, потому, что какой-нибудь дурак, который займёт потом моё место, может сказать:

«Смотрите же, вам уже был выговор от моего предшественника». Говорю вам, что длинная переписка не выращивает деревьев».

Густой голос Миллера доносился из темноты за костром, где он стоял за спиной своего любимого повара, наблюдая за приготовлением обеда.

– Не так много соуса, ты, сын дьявола! Ворчестерский соус – приправа, а не питьё. А, Гисборн, вы попали на очень хороший обед! А где же вы отдыхаете обыкновенно?

– Там, где я стою, сэр. Я не знал, что вы здесь.

Миллер оглядел представительную фигуру молодого лесничего.

– Хорошо! Это очень хорошо! Верхом на лошади, с запасом холодного мяса! Когда я был молод, я поступал точно так же. Но теперь вы должны пообедать со мной. Я был в главной квартире, чтобы представить мой рапорт за прошлый месяц. Я написал половину, а остальное я предоставил дописывать своим клеркам, а сам отправился на прогулку. Правительство помешалось на этих рапортах. Я так и сказал вице-королю в Симле.

Гисборн захохотал, вспомнив анекдоты, ходившие о Миллере по поводу его вечных конфликтов с высшим начальством; ему охотно прощали его вольнодумство, потому что в своём деле он не имел равного себе соперника.

– Если бы я застал вас, Гисборн, сидящим в своём бунгало и строчащим мне рапорт о плантациях вместо того, что-

бы осматривать их, я бы отправил вас в Биканскую пустыню сажать там леса. Я прямо болен от этих рапортов и от пережёвывания бумаги, когда мы должны делать дело.

– Вы можете быть спокойны за меня – я не трачу много времени на свои отчёты, я так же ненавижу их, как и вы, сэр.

Разговор перешёл на профессиональную почву. Миллеру необходимо было задать кое-какие вопросы, а Гисборн нуждался в некоторых указаниях и распоряжениях; так прошло время до обеда. Уже много месяцев Гисборну не приходилось отведывать такой изысканной пищи. Никакая дальность расстояния от места снабжения продуктами не мешала Миллеру иметь хорошую кухню; и эта трапеза, приготовленная в лесной чаще, началась с небольшой пресноводной рыбы, приправленной перцем, и окончилась чашкой кофе с коньяком.

– Ах, – сказал Миллер в конце обеда, со вздохом удовлетворения закуривая сигару и удобно развалясь в своём сильно потёртом походном кресле. – Когда я пишу свои рапорты, я становлюсь вольнодумцем и атеистом, но когда я бываю в лесу, я – больше чем христианин. Я чувствую себя язычником.

Он с наслаждением засунул мундштук под язык, опустил руки на колени и задумался, глядя перед собой в густую чащу леса, полную таинственных шорохов: треска сучьев, подобного треску огня, вздохов и шелеста ветвей, поникших от жары и снова расправляющихся в ночной прохладе,

неумолчного говора Канийского ручья и гудения многочисленного населения травяных лужаек, раскинувшихся у подножия горы.

Он выпустил густой клуб дыма и начал цитировать Гейне.

– Да, все это очень хорошо, очень хорошо! Я делаю чудеса, и, благодаря Богу, они дают плоды. Я помню ещё то время, когда лес был не выше ваших колен – отсюда и до самых пахотных земель, и в засуху скотина подбирала и ела кости дохлых животных. Но деревья имеют культ старых богов, и боги христиан громко вопиют. Они не могут жить в лесу, Гисборн.

Чья-то тень мелькнула на дороге, заколебалась и остановилась в сиянии звёзд.

– Я сказал правду. Слушайте! Вон и сам фавн пришёл взглянуть на генерал-инспектора. О, да это сам бог! Взгляните!

Это был Маугли, увенчанный своей короной из белых цветов, с полубодранной веткой в руке, Маугли, смутившийся света костра и готовый снова скрыться в лесной чаще при малейшей тревоге.

– Это мой друг, – сказал Гисборн. – Он ищет меня. Эй, Маугли!

Не успел ещё Миллер перевести дыхание, как человек очутился подле Гисборна, громко восклицая:

– Я виноват, что ушёл от тебя! Я виноват перед тобой, но я не знал, что подруга того убитого тобою у реки ищет тебя.

Иначе я не ушёл бы. Она выслеживала тебя от самой опушки леса.

– Он немножко помешан, – сказал Гисборн, – он говорит о всех зверях так, как будто они все его друзья.

– Ну, разумеется, разумеется. Если бы фавн не знал их, то кому же и знать? – серьёзно сказал Миллер. – Что говорит о тиграх этот бог, который так хорошо знает вас?

Гисборн закурил сигару, и, прежде чем он успел рассказать все, что знал о Маугли и его подвигах, сигара догорела до самых кончиков его усов. Миллер слушал, не прерывая его.

– Это вовсе не сумасшествие, – сказал он наконец, когда Гисборн описал ему проделку Маугли с Абдул-Гафуром. – Это вовсе не сумасшествие.

– А что же это в таком случае? Сегодня он рассердился на меня, потому что я попросил его рассказать мне, как он это сделал. Мне кажется, что парень немного одержим бесом...

– Нет, это не безумие, но это очень удивительно. Обычно такие люди рано умирают. И вы ведь знаете теперь, что ваш вор-слуга не мог объяснить вам, кто гнал его лошадь, и нильгаи, разумеется, тоже не мог сказать об этом.

– Нет, конечно. Но заметьте, там никого не было. Я прислушивался, а я могу слышать разные вещи. И бык и человек бежали сломя голову, обезумевшие от страха.

Вместо ответа Миллер оглядел Маугли с ног до головы и потом знаком подозвал его к себе. Он подошёл, как идёт

олень по подозрительному следу.

– Тебе нечего меня бояться, – сказал Миллер на туземном наречии. – Протяни-ка руку.

Он прощупал его руку до локтя и кивнул головой, что-то соображая.

– Так я и думал. А теперь покажи колени.

Гисборн заметил, что, ощупывая колено юноши, Миллер улыбнулся. Его внимание привлекли белые рубцы повыше щиколотки.

– Они остались у тебя ещё от детства? – спросил он.

– Да, – с улыбкой отвечал Маугли. – Это знаки любви детёнышей.

И затем, повернув голову к Гисборну, прибавил:

– Этот сахиб все знает. Кто он?

– Об этом после, мой друг. Теперь скажи мне, кто были они?

Маугли поднял руку и обвёл у себя над головой круг.

– Так. Ну а скажи теперь, как ты можешь загонять нильгаи? Смотри, вон там в стойле – моя кобыла. Можешь ли ты пригнать её ко мне, не испугав её?

– Могу ли я пригнать лошадь к сахибу, не испугав её? – повторил Маугли, слегка возвысив голос. – Что может быть легче, если бы только она не была привязана.

– Отвяжите лошадь! – крикнул Миллер груму. И как только постромки упали на землю, огромный чёрный конь-австралиец поднял голову и наострил уши.

– Осторожно! Я не хочу, чтобы ты загнал её в лес, – сказал Миллер.

Маугли продолжал стоять, пристально смотря в огонь, в позе того молодого бога греков, которого так любят описывать в новеллах. Лошадь вздрогнула, подняла заднюю ногу, убедилась, что она свободна от пут, быстро подбежала к своему господину и, слегка вспотевшая, положила свою голову ему на грудь.

– Она пришла добровольно. Мои лошади всегда так делают! – вскричал Гисборн.

– Посмотри, не потная ли она, – сказал Маугли.

Гисборн провёл рукой по влажному боку лошади.

– Довольно, – сказал Миллер.

– Довольно, – повторил Маугли, и горное эхо повторило это слово.

– Это что-то невероятное! – сказал Гисборн.

– Нет, это только удивительно, очень удивительно. И вы все ещё не понимаете, Гисборн?

– Да, сознаюсь, не понимаю.

– Ну ладно же, я вам не буду рассказывать. Он ведь говорил, что когда-нибудь он вам расскажет сам. Было бы жестоко, если бы я предупредил его. Но я не понимаю, как он не умер. А теперь слушай, ты.

Миллер повернулся к Маугли и заговорил с ним на туземном наречии.

– Я начальник всех лесов в Индии и в других странах

до берегов Чёрных вод. Я даже не знаю, сколько людей подвластны мне – может быть, пять тысяч, а может быть, десять. Ты должен будешь не блуждать где попало и гонять зверей ради спорта или напоказ, но служить мне, как я прикажу тебе, я, начальник всех лесов, и жить в лесу, как лесной сторож; должен будешь выгонять деревенских коз, когда не будет распоряжения о том, что они могут пастись в лесу, и пускать их, если это будет позволено; держать в повиновении, как ты это умеешь делать, кабана и нильгаи, когда их станет слишком много; рассказывать Гисборну-сахибу о том, как и где передвигаются тигры и какая дичь водится в лесах, а потом подстерегать и предупреждать все лесные пожары, потому что ты скорее, чем кто-либо, можешь заметить это. За это ты будешь каждый месяц получать жалованье серебром, а потом, когда ты обзаведёшься женой и домашним скотом и у тебя, может быть, будут дети, тебе назначат пенсию. Ну, что же ты скажешь?

– Это как раз то, что я... – начал Гисборн.

– Мой сахиб говорил мне сегодня утром об этой службе. Я целый день бродил сегодня один и размышлял об этом. Я буду служить только в этом лесу и ни в каком другом, вместе с Гисборном-сахибом и ни с кем другим.

– Пусть будет так. Через неделю будет официальное уведомление с гарантией пенсии. А потом ты выстроишь себе хижину там, где укажет тебе Гисборн-сахиб.

– Я как раз хотел поговорить с вами об этом, – сказал Гис-

борн.

– Мне не надо было ничего говорить после того, как я увидел его. Не может быть лучшего сторожа, чем он. Он просто чудо природы. Я говорю вам, Гисборн, что когда-нибудь и вы в этом убедитесь. Знайте только, он брат по крови каждому зверю в лесу.

– Я бы лучше себя чувствовал, если бы мог понять это.

– В своё время и поймёте. Я скажу вам только, что всего раз за все время моей службы, а я служу уже тридцать лет, я встретил юношу, который начал так же, как этот. Но он умер. Иногда приходится слышать о них в официальных рапортах, но все они рано умирают. Этот человек остался жить, и он является анахронизмом, потому что он относится к людям, жившим до каменного века. Взгляните-ка, ведь это самое начало человеческой истории – это Адам в раю, и нам не хватает только Евы. Нет! Он старше этой детской сказки, как лес старше самих богов. И знаете, Гисборн, я снова сделался язычником, и это уже навсегда.

Весь долгий вечер Миллер курил не переставая и задумчиво смотрел во мрак ночи, бормоча различные цитаты, между тем как с лица его не сходило выражение изумления.

Он ушёл в свою палатку, но скоро вышел из неё в величественном красном халате, и последние его слова, обращённые к лесу среди глубокой полуночной тишины, были следующие:

В то время как мы переодеваемся и украшаем себя,
Ты, благородный, – не покрыт и обнажён,
Либидина была твоей матерью, Приап, —
Твоим отцом был бог и грек.

– Теперь я знаю, что кто бы я ни был, христианин или язычник, я никогда не постигну всех тайн леса!

Спустя неделю, в полночь, Абдул-Гафур, пепельно-бледный от ярости, стоял в ногах кровати Гисборна и шёпотом умолял его встать.

– Вставай, сахиб! – бормотал он. – Вставай и возьми своё ружьё. Моя честь погибла. Встань и убей его, пока никто не видит моего стыда.

Лицо старого слуги так изменилось, что Гисборн смотрел на него в полном недоумении.

– Вот почему этот пария из джунглей помогал мне убирать стол сахиба, носить воду и ощипывать дичь. Они убежали вместе, несмотря на все мои побои, а теперь они сидят, окружённые его дьяволами, которые унесут её душу в ад.

Он подал ружьё Гисборну, который взял его ещё не твёрдой со сна рукой, и повёл его за собой на веранду.

– Они там в лесу, на расстоянии одного выстрела от дома. Подойдём осторожно к ним поближе.

– Но в чем дело? Почему ты так встревожен, Абдул?

– Тут не один Маугли с его дьяволами, а моя собственная дочь, – сказал Абдул-Гафур.

Гисборн свистнул и пошёл за ним следом. Он знал, что

недаром Абдул-Гафур бил по ночам свою дочь и недаром Маугли помогал в домашнем хозяйстве человеку, которого он сам, каким бы там ни было способом, уличил в воровстве. Лесная любовь возникает быстро.

В лесу раздавались звуки флейты, которые могли быть песнью блуждающего лесного бога, а когда они приблизились, послышался шёпот. Тропинка выходила на полукруглую полянку, окаймлённую высокой травой и деревьями. В центре её, на стволе упавшего дерева, повернувшись спиной к подошедшим, сидел, обняв за шею дочь Абдул-Гафура, Маугли, увенчанный свежей короной из белых цветов, и играл на примитивной бамбуковой флейте, а четыре огромных волка торжественно танцевали на задних лапах под эту музыку.

– Это его дьяволы, – шепнул Абдул-Гафур.

Он держал в руке пачку патронов. Звери взяли протяжную дребезжащую ноту и тихо улеглись, сверкая зелёными глазами, у ног девушки.

– Ты видишь теперь, – сказал Маугли, отложив в сторону флейту, – что тебе нечего бояться. Я ведь говорил тебе, моя храбрая малютка, что в этом нет ничего страшного, и ты мне поверила. Твой отец говорил, – ах, если бы ты только видела, как они гнали твоего отца через весь лес, не разбирая дороги! – твой отец говорил, что это дьяволы, но, клянусь Аллахом, твоим Богом, я не удивляюсь, что он так думал...

Девушка засмеялась переливчатым смехом, и Гисборн

услышал, как Абдул-Гафур заскрежетал немногими оставшимися у него во рту зубами. Это была совсем не та девушка, которую Гисборн едва замечал, когда она попадалась ему навстречу, скользя по двору, молчаливая и вся закутанная в одежды, это была женщина, расцветшая в одну ночь, как орхидея раскрывается за один час влажной жары.

– Ведь все они товарищи моего детства и мои братья, дети той матери, которая вскормила меня своими сосцами, я тебе уже рассказывал об этом, когда мы были за кухней, – продолжал Маугли. – Это дети отца, который лежал у входа в пещеру между нами и холодом, когда я был маленьким голым ребёнком. Смотри, – один из волков поднял свою серую морду и стал тереться ею о колени Маугли, – мой брат знает, что я говорю о них. Да, когда я был маленьким ребёнком, он тоже был детёнышем, и мы вместе с ним катались по земле.

– Но ведь ты говорил, что ты родился от человека, – заворковала девушка, прижимаясь к его плечу. – Ведь ты же родился от человека?

– Да, я сказал это! Я это знаю потому, что все моё сердце в твоей власти, моя малютка.

Её головка склонилась и прижалась к подбородку Маугли. Гисборн сделал предостерегающий жест рукой, чтобы удерживать Абдул-Гафура, который ничуть не был растроган этим удивительным релищем.

– Но я рос, как волк среди волков, пока не наступило время, когда те, из джунглей, заставили меня уйти от них, по-

тому что я человек.

– Кто велел тебе уйти? Ты говоришь что-то не по-человечески.

– Сами звери. Ты никогда не поверишь мне, моя малютка, но так было на самом деле. Звери из джунглей приказали мне уйти, но эти четверо пошли за мной, потому что я был их брат. Сделался пастухом стад и жил среди людей, научившись их языку. Хо! Хо! Стада платили дань моим братьям, пока одна женщина, старая женщина, моя любимая, увидела однажды ночью, как я играл на жниве с моими братьями. Тогда они сказали, что я одержим бесом, и палками и камнями прогнали меня из деревни, а эти четверо шли за мной, но крадучись, а не открыто, как раньше. За это время я научился есть вареное мясо и свободно говорить. И вот, сердце моего сердца, я пошёл бродить из деревни в деревню и был то пастухом рогатого скота, то погонщиком буйволов, то разведчиком дичи, но с тех пор не было человека, который бы осмелился дважды погрозить мне пальцем. – Он наклонился и погладил по голове одного из волков. – Погладь и ты их. Ты видишь, что в этом нет ничего страшного и ничего колдовского. Смотри, они уже знают тебя.

– Леса полны великими дьяволами, – содрогаясь, сказала девушка.

– Это ложь. Детская ложь, – убеждённо возразил Маугли. – Я спал под открытым небом на рассвете и в тёмную ночь, и я знаю. Джунгли мой дом. Разве может человек не

доверять кровле своего дома или жена – очагу своего мужа. Наклонись и погладь их.

– Они собаки и нечистые, – прошептала она, протянув руку к волку, но отвернувшись.

– Только отведав плода, мы вспоминаем о заповеди! – с горечью проговорил Абдул-Гафур. – К чему ещё ждать, сахиб? Убей его.

– Молчи!.. Послушаем, как все это произошло, – сказал Гисборн.

– Ты хорошо сделала, – сказал Маугли, снова обняв девушку. – Собаки они или не собаки, но они обошли вместе со мной тысячу деревень...

– Ага! А где же было тогда твоё сердце? Тысячи деревень! Ты видел в них тысячи девушек. А я... Я уже больше не девушка... Отдал ли ты мне своё сердце?

– Чем я должен тебе поклясться? Может быть, Аллахом, о котором ты мне говорила?

– Нет, клянись мне своей жизнью, и этого будет довольно. Где было твоё сердце в те дни?

Маугли тихонько рассмеялся.

– В моем животе, потому что я был молод и всегда голодал. Тогда-то я научился выслеживать дичь и охотиться, посылая своих братьев туда и сюда, как король, командующий своими армиями. Так я пригнал нильгаи к глуповатому молодому сахибу и толстую жирную кобылу к толстому жирному сахибу, когда они просили меня показать мою силу. Я мог

бы свободно погнать и их самих. И даже теперь, – он слегка возвысил голос, – и даже теперь я знаю, что позади нас стоит твой отец и Гисборн-сахиб. Нет, не убегай, потому что будь их хоть десять человек, ни один не осмелился бы сделать и шага вперёд. Припомни, как твой отец бил тебя. Должен ли я сказать слово, чтобы снова погнать его через лес?

Волк поднялся, оскалив зубы. Гисборн почувствовал, как Абдул-Гафур, стоявший с ним рядом, задрожал всем телом, и скоро его место опустело – толстяк пустился улепётывать по тропинке.

– Остаётся только Гисборн-сахиб, – по-прежнему не обращиваясь, сказал Маугли, – но я ел хлеб Гисборн-сахиба, а теперь я буду на службе у него, и мои братья будут также и его слугами: будут выслеживать дичь и приносить лесные новости. Спрячься в траву...

Девушка убежала, и высокая трава сомкнулась позади неё. За нею последовал сторожевой волк, а Маугли, окружённый своими тремя телохранителями, очутился лицом к лицу с Гисборном, когда лесничий вышел из-за дерева.

– Вот и все колдовство, – сказал он, указывая на трех волков. – Толстый сахиб знал, что мы все, выросшие среди волков, бегали в детстве на локтях и коленях. Ощупав мои руки и ноги, он узнал правду, которой ты не знал. Что в этом удивительного, сахиб?

– Но это ещё более удивительно, чем колдовство. Значит, это они пригнали нильгаи?

– Да, и точно так же они пригнали бы Иблиса, если бы я приказал им это. Они – мои глаза и мои ноги.

– Ну, погляди-ка сюда; у Иблиса нет двустволки, и твои дьяволы должны кое-что запомнить: вот, например, теперь они стоят один за другим, так что я мог бы двумя выстрелами уложить всех трех.

– Но ведь они знают, что будут твоими слугами, как только я сделаюсь лесным сторожем.

– Будешь ли ты сторожем или нет, но ты обесчестил Абдул-Гафура. Ты внёс позор в его дом и на его голову.

– Что касается бесчестья, то он был опозорен тогда, когда взял твои деньги, и ещё более тогда, когда он стал нащёптывать тебе в уши, чтобы ты убил голого человека. Я сам поговорю с Абдул-Гафуром, потому что я теперь на службе у правительства, и у меня будет пенсия. Он должен устроить свадьбу по какому угодно обряду, или ему придётся ещё раз побегать. На рассвете я поговорю с ним. А теперь – у сахиба есть свой дом, а здесь – мой дом. Пора спать, сахиб.

Маугли повернулся и исчез в густой траве, оставив Гисборна в одиночестве. Нельзя было не понять намёка лесного бога, и Гисборн вернулся в бунгало, где Абдул-Гафур вне себя от ярости ждал его на веранде.

– Успокойся, успокойся! – сказал Гисборн, слегка встряхнув его, потому что он имел такой вид, как будто готов был упасть в обморок. – Миллер-сахиб сделал этого человека лесным сторожем, а ты знаешь, что это правительственная

служба, и что в конце её он получит пенсию.

– Но он пария-млеч – собака среди собак; пожиратель падали! Какая пенсия может вознаградить за это?

– Про то знает Аллах, а ты ведь слышал, что беда уже случилась. Не будешь же ты трубить про неё всем другим слугам? Устрой скорее шади, и девушка сделает из него мусульманина. Он очень красивый малый. Что удивительного, что после твоих побоев она пошла к нему?..

– Он говорил вам, что натравит на меня своих зверей?..

– Да, мне кажется, он сделает это. Если он колдун, то очень сильный.

Абдул-Гафур подумал ещё немного, но потом бросился в ноги Гисборну и, забыв, что он мусульманин, принялся жалобно причитать:

– Ты – брамин, а я твоя корова. Устрой это дело и спаси мою честь, если её ещё можно спасти.

Гисборн во второй раз пошёл в лес и стал звать Маугли. Ответ слышался с верхних ветвей дерева, и тон его далеко не выражал покорности.

– Говори, – вежливо сказал Гисборн, поднимая голову кверху. – Ещё есть время лишить тебя места и прогнать вместе с твоими волками. Девушка должна на эту ночь вернуться в дом отца. Послезавтра будет шади по мусульманскому закону, и тогда ты можешь взять её к себе. Проводи её к Абдул-Гафуру.

– Я слушаю тебя, – среди ветвей слышался шёпот двух

голосов, обсуждавших предложение. – Мы повинемся... В последний раз.

Спустя год Миллер и Гисборн ехали как-то вместе по лесу, разговаривая о своих делах. Они выехали к скалам около Канийского ручья; Миллер ехал несколько впереди. Под тенью колючего кустарника барахтался голый коричневый ребёнок, и тут же из-за кустов выглядывала голова серого волка. Гисборн едва успел толкнуть ружьё Миллера так, что пуля проскользнула между верхними ветвями.

– Вы с ума сошли? – заорал Миллер. – Смотрите сюда!

– Я вижу, – спокойно отвечал Гисборн. – Мать, наверное, где-нибудь поблизости. Вы взбудоражите всю стаю, клянусь Юпитером.

Ветви раздвинулись, и женщина, без покрывала на лице, бросилась к ребёнку.

– Кто стрелял, сахиб? – крикнула она Гисборну.

– Вот этот сахиб. Он забыл о родственниках твоего мужа.

– Забыл? Да, конечно, это можно забыть, потому что мы, живущие с ними, забываем, что они чужие для всех других. Маугли ловит рыбу ниже у ручья. Может быть, сахиб желает говорить с ним? Ступайте сюда, вы, невежи, выходите из кустов и будьте к услугам сахибов.

Глаза Миллера стали совсем круглыми от изумления. Он покачнулся в седле, так как лошадь метнулась в сторону, и, осадив её, он слез с неё; в это время из джунглей выбежали четыре волка и стали бегать вокруг Гисборна, помахивая

хвостами. Мать стояла, кормя грудью ребёнка, и отгоняла их, когда они тёрлись о её голые ноги.

– Вы были совершенно правы относительно Маугли, – сказал Гисборн. – Мне казалось, что я рассказывал вам об этом, но за двенадцать месяцев я так привык к этим молодцам, что эта история совсем выскочила у меня из головы.

– О, не оправдывайтесь, – сказал Миллер. – Это пустяки. Господи Боже мой! «И я творю чудеса, и они совершаются вокруг меня!»